

“КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК” в Москве не удался. Московские балетоманы были единодушны в оценке. Но вот добрался до Москвы слух, что на сцене Кировского молодой хореограф, сам танцор (в той же “Вальпургиевой” Лавровского он исполнял прыжковую партию Пана), поставил “Цветок” по-своему, очень танцевально и неожиданно. Новое имя всегда зажигает энтузиазм среды, и, кто за глаза, кто повидав спектакль Григоровича, начали кампанию по перенесению балета из Кировского в Большой. Я тоже помогала. Долгие годы такая практика - тот же спектакль в Москве и Ленинграде, в Ленинграде и в Москве - была в ходу.

В премьерных обоих “Каменных” я участвовала. В обоих танцевала Хозяйку Медной горы. “Хозяйка” ленинградца-два была мне много интереснее. Свежесть танцевальных комбинаций, очевидное сопряжение их бажовскому образу верткой ящерки, разнообразие душевных состояний. Меня куда больше увлекла и захватила вторая работа. Новый спектакль был взят на гастроли в американский тур и прошел там хорошо. Я даже послала в Ленинград автору постановки приветственное письмо, поздравляя его с удачей.

Еще несколько лет понадобилось, прежде чем автор второго “Каменного” пришел в Большой театр в ранге Главного балетмейстера, сменив Леонида Михайловича Лавровского. Это - 1964 год. Уже в этом ранге Григорович переносит из Ленинграда еще один свой удачный спектакль, “Легенду о любви”, которую я с удовольствием тоже танцевала и любила. Так дружелюбно и безоблачно складывались сначала наши отношения. И по сей день я не меняю своего мнения относительно “Каменного цветка” и “Легенды о любви”. Это вершины Григоровича-балетмейстера. Все последующие его спектакли - это моя точка зрения - спуск с горы. Под откос.

Что же явилось - спрашиваю сама себя - главной причиной нашего раздора? Может, древняя банальная театральная история - жена солирующая балерина, и, кроме нее, другие танцовщики “хозяйину” не нужны? Или - ставка на совсем юных? И я, и даже солисты поколения, следующего за мною, - уже “ветераны”, прошлое, театральная обуза? Тоже противостояние куда как банальное.

Нет. Иное.

Как преобразует, уродует, коржит власть людей. Как погружаются они в болотное месиво злопамятства, склок, мстительности, в охотку внимают подхалимам. Властолюбие иссушает создателя, капля за каплей отнимает, разрушает дар к творчеству, мельчит. Вот что постигло Григоровича!

ВСЯ наша жизнь в театре с конца пятидесятых годов была сведена к заграничным поездкам. Даже нищенские валютные суточные, если танцор бывал сметлив, оборотист, давали возможность купить автомобиль, видеотехнику, пригласить одеться, пристойно кормить семью. Вырваться из коммуналки в отдельную кооперативную квартиру. Разница между рублем и долларом всегда астрономическая была.

Если Органы тебя не выпускают - это как неизлечимая болезнь, от этого не поправишься. А если только Главному балетмейстеру ты не нужен? Если он тебя в ролях “не видит”, из списков в загранпоездку вычеркнут?

Заметила я вот какую странную вещь. Ни на что наши карликовые сталины так падки не были, как на лесть. Откровенную, неприкрытую, махровую лесть. Не от дурости ведь. И ребенку ясно, что подличают, врут, от подхалимства льстят. Но - срабатывает. Слышать, значит, лесть так сладко...

Утверждаю со всей убежденностью, что стержнем жизни Большого балета стали заграничные поездки. Они закакали, развратили танцоров. В западных труппах тоже поездки, тоже гастроли. Но там не ставится от них на кон вся твоя жизнь, твое существование. Где купить танцовщицу из труппы Бежара сапоги, колготки, лифчики - в Брюсселе, Лозанне или Детройте, - какая разница? А ты иди, милая, в Москве купи, да еще на свою нищенскую зарплату в рублях деревянных. Захочешь тогда в Детройт или Брюссель слетать. У нас даже новая премьера оценивалась участниками ее через возможность будущей поездки. Это - наиглавнейшее. Возьмут новый спектакль в поездку -

надо участвовать. Интересная премьера. Не возьмут - гиблый спектакль...

Опять, черт возьми, все к политике сводится. Но именно наша советская система, именно она дала Григоровичу возможность поставить труппу Большого театра в полную зависимость от себя. На колени поставить. В страхе держать. А уж он, от безграничной власти пьяня, сумел этим хорошо воспользоваться. Григорович - прямой продукт советской Системы. Поэтому и переродился из сочинителя балетов в диктатора-самодура, крохотного сталинчика. Потому и без меры перелицовывал старые добрые классические балеты, наводя лишь некую легкую ретушь, но не забывая при сем указать свое имя. А потом уж Петипа, Перро, Иванов, Горский... Последний десяток лет и перелицовывать перестал. Просто ничего не делает. Возит по миру давние свои работы. Публике раскланивается, на приемах в смокингах представляет. И жадно,

«Я, Майя Плисецкая...»

Аргументы и факты. - 1994 - август. (№ 34) - с. 1-5.
В начале августа (№ 31) в “АиФ” была опубликована статья о проблемах Большого театра. А через несколько дней появилась на свет книга “Я, Майя Плисецкая...”, где автор - выдающаяся балерина - не только продолжает разговор о причинах сегодняшнего краха Большого театра, но и подтверждает мысли, высказанные в редакционной статье. 24 августа в Москве состоялась презентация книги, а в этом номере мы публикуем одну из ее глав (с сокращениями).

неуклонно монаршью власть подбирает. Балетная энциклопедия печатается. Кто главный редактор? Григорович. Юбилейная книга о Большом балете выходит. Кто главный редактор? Григорович. Конкурс балета в Москве. Кто председатель жюри? Григорович...

Решился критик Гаевский в своей книге “Дивертиссмент” по-критиковать Григоровича. Да как он посмел? Если на солнце есть пятна, то на Григоровиче их нет, одно лишь божественное сияние исходит. Тут же в газете “Советская культура” - органе ЦК КПСС - два громобойных подвала, как в сталинские времена, придворного биографа Григоровича Ванслова (того самого, кто в прошлом книгу “Принципы марксистско-ленинской эстетики” со-

стряпан) - идеологическая диверсия, клевета, вылазка. Тотчас запрещают книгу Гаевского. Тираж арестовывают. Редактора книги Никулина с работы снимают. Директору издательства Вишнякову - строгий выговор дают. И это, заметьте, не 1937-й, а 1981 год. Вот почему я Григоровича маленьким сталиным называю.

По телевидению на всю страну Григорович плаксиво жалуется: давно ничего не ставлю? Труппа бездействует? Да мне балетные оппозиционеры работают мешают. В творчестве погрузиться не дают...

Ты, Юра, полновластный хозяин труппы в двести с лишним человек. Тысячу репетиций надо - бери, только ставь что-нибудь новое, две тысячи, год работы, два, три, четыре - советское государство за все платит, что хошь делай. Ты ж монарх абсолютный!...

То одну работу во всеуслышание обещаешь, то другую. Молчание. Тишь. Будто ослышались люди.

Вот кому действительно работать мешали - не пятерка-шестерка несогласных фимам курить балетных “оппозиционеров”, а все советское государство, так это Шостаковичу, Ахматовой, Голейзовскому, Якобсону, Зощенко, Прокофьеву. Но - работали. Творили.

А еще, что очень по-советски, полезно всегда носить при себе заявление об уходе. Чуть что - выложил его в министерском кабинете на стол - уйду. Либо, дорогие товарищи, призовите к порядку - работать, творить совершенно не дают. И устремляются в атаку советские псы вроде новейшего министра Захарова на спасение обиженного, ранимого, незаменного... Но ни разу-таки не ушел, как ни грозился.

ПО ПРОШЕСТВИИ времени мне рассказал Сэм Нифолд из нью-йоркской конторы “Коламбия артисте”, как ждали они пригласить на гастроли труппу Большого с несколькими балетами Григоровича и моей “Анной Карениной”.

- Я не решился раньше рассказать вам, что сотворилось с Григоровичем, когда мы сказали ему об этом. С ним случилась истерика.

Я не удивилась.

- Он стал весь белый, как мертвец, и, захлебываясь, закричал: или я, или Плисецкая. Мы еле привели его в чувство. Конечно, Вы, маэстро. В конце концов он же руководитель труппы. Хотя жаль. Был бы красивый сезон. Американцы ждали “Анну”...

А еще по-советски очень - шумно избразить демократию.

Процедура вот такая: кладется у балетной канцелярии на стол “расписной лист” (в нем артисты балета расписыва-

ются в явках на спектакли). Кто поставит свою подпись напротив напечатанной типографски своей фамилии - тот “за” Григоровича. Кто не расписался - тот, следовательно, против. Это не то что под лупой, а прямо под микроскопом мнение твое спрашивают. “А теперь послушаем итоги, дорогие товарищи, подсчет голосов”.

Немало способных молодых людей было загублено лишь за свой норов. Даже не за норов вовсе, а за не выветрившееся до конца чувство человеческого достоинства, за нормальное, но не угодническое поведение. Перед диктаторами рабам должно расластываться...

А на чем диктаторский режим в Большом балете держится?

Несколько лет назад редактор либеральной и по-настоящему смелой в годы перестройки газеты “Московские новости” все же отклонил просьбу нескольких причастных к балету артистов напечатать их открытое письмо Григоровичу. Редактор все думал...

- Я далек от балета. Но объясните мне, пожалуйста, кто стоит за Григоровичем? Ну не опереточный же министр Захаров? Без суперподдержки, целые годы ничего ровным счетом не делая, - и гению не удержаться. А что, внучка Горбачева не учится ли балету?...

- Вы, редактор, - ясновидящий. Учится внучка Горбачева балету...

В стране, где дедушка - президент, прошу вас, не учите. В стране, где государство содержит и школу, и театр, полностью финансирует их, - прошу вас, не учите. А если страна советская, партийная, изуродованная, вторично прошу вас, не учите!

Один просто приезд скромно, приветливо улыбающейся Раисы Максимовны на черном бронированном лимузине, с дюжиной охранников, дает такой капитал директору, такую безграничную власть, наводит такой страх на педагогов и соучениц маленькой Ксюши - вдруг отчислят, - такой перекос во взаимоотношениях между всеми, что теряется и здравый смысл, и всякое подобие объективности. А потом к месту и не к месту вертывает Софья Николаевна в разговор, что были мы вчера с Раисой Максимовной в бане, и она очень настаивала... И Григорович на том же стоит (они с Головкиной в одной упряжи): был у Горбачева, и он мне говорит - делайте, Юрий Николаевич, все, что находите нужным, увольняйте, отчисляйте из театра, выводите на пенсию - словом, полный карт-бланш дал. От таких речей у со-

ветских чиновников всех уровней сердце в пятки падает. В струнку вытягиваются. За спиной ведь 70 лет подлости, лизоблюдства. Вот вам и сановные внуки!...

Я ПИШУ это со спокойной душой. Маленькая Ксюша - теперь она уж, верно, подросла, и дай ей Бог удачи и везения на балетном поприще, если не бросит, - сказала в своем недавнем интервью немецким журналистам, что Анна Павлова и Майя Плисецкая - ее идеал и мечта. Спасибо, Ксюша. Но я стою на своем. Вмешательство президента и Раисы Максимовны в наши балетные дела было вредным и губительным.

И совсем курьез. Переводят мне из немецкой газеты “Бильд” сенсационную заметку. Как спасла директриса Головкина Ксюшу от похищения (совсем “Похищение из серала”). Вышла из своей славной академии танца и видит: стоит у тротуара машина, а в ней три угрюмых верзилы. Тотчас смекнула Софья Николаевна, что не иначе как три разбойника за Ксюшей охотятся. Смело подошла к злоумышленникам, тревогу забила. Они, ясное дело, наутек. До усеру испугались смелых Головкиной. А Головкина - бегом в школу. Прижала к груди Ксюшу, по голове гладит, слезы с трудом сдерживает - я тебя никому не отдам, моя голубка. А тут уж Раиса Максимовна на черном лимузине подоспела. Спасли Ксюшу. Слава Головкиной, многая лета!...

Но многие импресарио были заинтересованы показать западному зрителю работы не одного лишь Григоровича. Тем более что от бесконечного “Спартак” и перелицованного “Лебединого”, а чуть позже “Ивана Грозного” у критиков начало сводить скулы. И наш диктатор стал получать со страниц западных газет затрешины за затрешиной (чего стоил лишь один американский заголовок “IVAN IS TERRIBLE”: не “Иван Ужасный” (Грозный), а “Иван - ужасен”).

Затрешины западной прессы бесили и без того злого Григоровича, и, как и положено диктатору, была усилена с удвоенной свирепостью экзекуция с балетными инакомыслящими. А это, в самую первую очередь, солисты васьильевских и плисецких балетов. Вот вам и пример. Совсем молодой танцор Виктор Барыкин, приглашенный Васильевым на одну из главных ролей в своем “Икаре”, был подвергнут Григоровичем остракизму навсегда. Попав в черный список, Барыкин отныне занимался лишь в чужих, читай: “вражеских” балетах: “Анна Каренина”, “Макбет”, “Чайка”, “Анюта”, “Кармен-сюита”. Месть обрушилась на головы и балетные карьеры Богатырева (о нем я уже писала), Радченко, Буцковой, Лагунова, Нестеровой...

МЕНЯ не оставляет в безразличии судьба Большого балета. Большой - это вся моя жизнь. Вся без остатка. У меня взаправду болит сердце, что власть на театре и в училище забрали себе люди, для которых как раз Власть - самое главное, самое драгоценное, самое прекрасное, что есть на свете. Не творчество, не балет, а - Власть. И держат они ее мертвой, бульдожьей хваткой. Срок этой хваткой власти ох как длинен. Когда пишу, уже тридцатилетие прошло.

После того, как по распоряжению Григоровича (Юрий Николаевич талантливо умел расправляться с недругами чужими руками) комендатура не пустила Лиену в театр, сославшись на то, что у него просрочен пропуск, Лиена разрыдался, у него случился сердечный приступ. Это - тренированное, закаленное сердце! Скоро Лиена умер. Умер от инфаркта. На панихиде несколько ораторов впрямую назвали виновника...

А мне вовсе не весело, что хороших балерин долго не будет. И я отчетливо вижу, как неправильно поставлены спины, как не работают колени, как затрудняются, а не помогают крутить пируэты несобранные руки. А куда задевались музыкальность, артистизм, стиль? Просто беда. Это не означает, что в школе нет профессиональных педагогов. Это означает, что и в школе - диктатура. Диктатура Головкиной, которой нельзя ни в чем перечить. Головкиной, чей мнимый педагогический дар без удержу воспет и восславлен. Коли в баню с Раисой Максимовной ходит, значит, и впрямь великий педагог...

МЕНЯЮТСЯ времена. Новые приходят начальники. Ай, и у них внуки, да внуки, да внучатые племянники... Люди ведь. Размножаются. А рецепты дружбы те же: в баню с Фурцевой, в баню с Раисой Максимовной... Кто следующая попариться? Наина Иосифовна?.. И приходят в театр недоученные артисты. И мелькает, и блекнет слава Большого балета. И топчет-ся балет годы на месте.